

А. Мустояпова^{1*}, М. Өстемір²

¹Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан;

²Общеобразовательная школа № 24, Темуртау, Казахстан

(e-mail: mustoyanova2017@gmail.com)

(e-mail: mustemir9@gmail.com)

Когнитивные метафоры в эссе Элен Сиксу «Смех Медузы»

В статье рассмотрены когнитивные метафоры в эссе Элен Сиксу «Смех Медузы», которое является ключевым текстом феминистской литературы. Цель исследования — определить роль когнитивных метафор (Медуза, «белые чернила», Африка) в формировании концепции женского письма. Материалом исследования является текст эссе Э. Сиксу. Методы исследования включают когнитивный анализ, семантический и интерпретационный подходы, а также деконструкцию текста. Авторы статьи акцентируют внимание на понятии когнитивной метафоры как средстве создания и деконструкции нарративов. Актуальность статьи обусловлена тем, что проблема женского письма остается в центре внимания современного литературоведческого дискурса. Краткий обзор научной литературы демонстрирует устойчивый интерес исследователей к вопросам, поднятым в эссе «Смех Медузы», а также подтверждает актуальность теории когнитивной метафоры как исследовательского метода. Результаты исследования показали, что использование Э. Сиксу мифологических и культурных образов усиливает представление женской идентичности. Авторами установлена значимость метафорических образов Медузы, «белых чернил» и Африки для раскрытия концепции женского письма. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении указанных метафор, семантика которых полностью раскрывается в их взаимосвязи. Этот подход отличает данное исследование от других, предметом анализа которых в раскрытии концепции женского письма является в основном образ Медузы. Обращение к метафорам позволяет Э. Сиксу рассуждать о сути нового типа повествования, во многом отличающегося от традиционного, т.е. мужского, письма. Э. Сиксу осуществляет децентрацию мужского взгляда и разрушает утвердившуюся в культуре интерпретацию образа Медузы как пугающей и несущей угрозу. Новый взгляд показывает Медузу как жертву мужского доминирования, дискриминируемую, лишенную права голоса. Данная интерпретация позволяет Э. Сиксу определить главную цель женского текста, а именно прервать молчание женщин в литературе, перестать быть объектом мужской интерпретации, создать свой тип повествования. Африка в интерпретации Э. Сиксу становится метафорическим образом женщины, которой навязали миф о ее таинственности и непостижимости, тем самым оправдав отказ от попыток ее понять. Э. Сиксу считает, что писатель-мужчина объективно не способен передать природу женщины и потому прибегает к концепции «тайны» и «загадочности» женщины, ограничивая описание стереотипами. Метафорический образ «белых чернил» Э. Сиксу использует, чтобы акцентировать внимание на том факте, что женское письмо имеет свои отличия и оно свободно от устоявшихся в традиции стандартов мужского художественного языка. Результаты исследования могут быть применены при анализе женских текстов.

Ключевые слова: когнитивная метафора, женское письмо, феминистская литература, Элен Сиксу, «Смех Медузы», мифологический образ.

Введение

Проблематика исследования связана с формированием и функционированием женского письма, понятие которого было введено в оборот в 1970-ые годы. Концепция женского письма, маскулинность литературы и необходимость выработки нового языка выражения стали предметом обсуждения таких представителей феминистской критики, как Адриенна Рич, Юлия Кристева, Люс Иригарей, Джудит Батлер, Элейн Шоуолтер и др. У истоков этой дискуссии стояла Элен Сиксу, программное эссе которой «Смех Медузы» [1] сыграло значительную роль в определении данной концепции. Эссе написано преимущественно метафорическим языком, и поэтому оставляет широкое поле для интерпретаций. Развитие когнитивистики и появление новых исследований в области когнитивной метафоры позволяют вновь обратиться к эссе Э. Сиксу с целью его анализа.

Цель исследования данной статьи заключается в анализе трех метафорических образов, представленных в эссе Элен Сиксу «Смех Медузы», и выявлении их роли в формировании концепции женского письма. В качестве задач определены следующие: выявить ключевые метафоры эссе, осу-

* Корреспондент-автор. e-mail: mustoyanova2017@gmail.com

ществить их семантический анализ и определить их значение для презентации женской идентичности; деконструировать текст эссе, чтобы обозначить новаторство Э. Сиксу, основанное на смене ракурса и децентрации мужского взгляда; проанализировать осуществленную Э. Сиксу деконструкцию образа Африки; рассмотреть семантику созданного Э. Сиксу метафорического образа «белых чернил» и обозначить его значение для понимания концепции женского письма; проследить зависимость семантики метафор от культурной традиции и социального контекста.

В статье рассматриваются когнитивные метафоры, посредством которых Элен Сиксу раскрывает семантику дефиниции «женское письмо» (*écriture féminine*). С этой целью Э. Сиксу использует метафорические образы Медузы, Африки и «белых чернил». Она предлагает новый взгляд на Медузу, разрушает предложенную Э. Фрейдом трактовку образа женщины как «темного континента», а также вводит понятие «белых чернил» как антитезу традиционному мужскому способу письма.

Обзор научной литературы, посвященной эссе Э. Сиксу «Смех Медузы» (английское издание 1976 г.), позволяет заключить, что оно до сих пор остается предметом научного интереса филологов, психологов, философов, культурологов. Эссе исследовалось в рамках рассмотрения вопросов женского творчества, идентичности, сексуальности, иерархических отношений и т.д. Так, М.Х. Аль-Махфеди исследует постмодернистские тенденции в предложенной Э. Сиксу форме письма и акцентирует внимание на преодолении патриархального мифа о женщине, используемого для удержания ее в рамках бинарной иерархии [2]. Г. Смит рассматривает эссе в рамках лакановской теории младенчества, бессознательного и символы сновидений [3]. Т. Прия, опираясь на концепцию «различия» Ж. Деррида и теорию гендерного развития Ж. Лакана, исследует способы построения Э. Сиксу ее теории. Смех Медузы, Т. Прия, «выражает радость, переводя язык угнетения на язык тела, которому нет границ» [4, 283]. Предметом исследования Д. Чакроборти становится идея Э. Сиксу о деконструкции идеи фаллоцентризма Ж. Лакана и «психоаналитической закрытости» З. Фрейда, а также идея о высвобождении подавленных желаний женщин для создания новой формы письма [5]. Ф. Батулар анализирует эссе Э. Сиксу с точки зрения гендерной репрезентации в дискурсе и стилистике феминизма [6]. М. Сегарра осуществляет сравнительный анализ термина «письмо», используемого у Ж. Деррида и Э. Сиксу, и приходит к выводу, что «женское письмо» становится альтернативой доминирующему письму, которое является для Сиксу «фаллоцентричным» [7]. Н.Р. Дайер рассматривает «белые чернила» Сиксу, дополняя их образом «красных чернил», под которыми подразумевается отсылка к женским циклам и функции продолжения рода. Н.Р. Дайер полагает, что именно «красные чернила» в женской писательской практике должны определяться как мощный источник женского стиля письма. Образ «красных чернил» в эссе Э. Сиксу не представлен, но исследователь высказывает гипотезу о том, что они прорываются сквозь текст эссе, однако автор сублимирует этот образ в более приличную и «правильную» белизну молока [8]. К.Р. Бостоу, исследуя в трудах Э. Сиксу инклюзивность половых различий и разрушение ею иерархии видов человека и животных, анализирует семантику волос-змей Медузы, а также рассматривает изменения в интерпретации этого образа в более поздних работах Э. Сиксу [9]. Л. Газбарроне обнаруживает сходство между теориями М. Бахтина и концепцией Э. Сиксу. В описании «женского письма», предпринятого Э. Сиксу, исследователь видит то, что М. Бахтин называл диалогическим дискурсом, а именно выстраивание новых отношений между собой и другими с помощью литературного выказывания [10].

Следует отметить, что исследователи проявляли значительный интерес к образу Медузы, тогда как образы Африки и «белых чернил» оставались в тени. Однако, на наш взгляд, метафорические образы Африки и «белых чернил» являются не менее значимыми для понимания семантического наполнения и языка женского письма. Более того, три метафорических образа, как нам представляется, должны рассматриваться во взаимосвязи друг с другом, поскольку они представляют три грани одного явления.

Научная новизна данной статьи обусловлена проведенным анализом трех метафор как элементов единой конструкции, дополняющих друг друга и раскрывающих одно явление — феномен женского письма. При этом образ Африки и «белых чернил» рассматриваются как ключевые, поскольку посредством их Э. Сиксу формирует новые концептуальные метафоры, выражающие содержательный уровень женского текста. Кроме того, авторы статьи определяют зависимость интерпретаций когнитивных метафор от культурного контекста и характера социальных отношений. Таким образом, новизна исследования заключается в раскрытии трех связанных друг с другом когнитивных метафор в эссе «Смех Медузы» и их основополагающего значения в формировании концепции женского письма.

Обращение к метафорам позволило Э. Сиксу образно, экспрессивно и эмоционально заявить о предложенном ею новом понятии. Использование Э. Сиксу метафорических образов актуализировало обращение авторов статьи к когнитивной теории метафоры, разработанной Дж. Лакоффом, М. Джонсоном и другими исследователями.

Метафора в трудах современных исследователей рассматривается как когнитивный механизм, существенно влияющий на формирование и преобразование картины мира существующей в сознании человека. Так, в фундаментальной работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [11] авторы утверждают, что процессы мышления человека метафоричны. Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что метафора играет существенную роль в установлении того, что в нашем восприятии мира становится реальным. Данное утверждение позволяет рассматривать традиционные метафорические образы как формирующие наше мировосприятие, следовательно, важно понять, как конструировались и какую цель преследовали те, кто создавал или формировал определенную интерпретацию тех или иных метафор. Аналогичного подхода придерживается и Э. МакКормак, отмечая: «Постановка вопроса о концептуальной метафоре дала толчок исследованиям в сфере мыслительных процессов человека. Это помогло сделать вывод о том, что метафора — это прежде всего прием мышления о мире, переведенный в словесную форму» [12]. А. Киклевич подчеркивает функциональную значимость концептуальной метафоры в том, что «с помощью ассоциируемых импликаций одной познавательной модели (категории, домены) конструируется познавательная модель нового объекта (или группы объектов), вводимого в опытную область человека» [13; 251]. Э. Кассирер указывает на связь мифологического и языкового типов мышления: «...структура мифологического и языкового мира в значительной степени определяется одинаковыми духовными представлениями... Чтобы распознать эти функции как таковые и сделать выводы, мы должны проследить пути развития мифа и языка не проспективно, а ретроспективно — нам надо вернуться к точке, откуда берут начало обе расходящиеся линии» [14; 33].

В статье деконструируется новое прочтение Э. Сиксу образа Медузы, рассматривается предложенная Э. Сиксу деконструкция образа Африки и ее заключение об общей природе угнетения, подавления, лишения права голоса выходцев Африки и женщин, и, наконец, реконструируется логика Э. Сиксу в формировании метафорического образа «белых чернил».

Материал и методы исследования

Материалом исследования является эссе французского литературоведа Элен Сиксу «Смех Медузы», в котором в метафорической форме представлена ее концепция женского письма. Обращение к этому эссе обусловлено тем, что оно положило начало дискуссии о необходимости формирования женского письма как особого типа, отличного от мужского. Особый интерес к тексту обусловлен не только его ранней публикацией, но и тем, что в нем содержатся программные тезисы, позволившие считать его манифестом женской литературы и феминистской литературной критики. Кроме того, важным материалом для исследования стали труды, посвященные теории когнитивной, концептуальной метафоры. Это, прежде всего, Дж. Лакофф и М. Джонсон, а также последователи их школы.

В качестве метода исследования в статье использована когнитивная теория метафоры, позволяющая определить генезис, семантику и функционирование метафорических образов. Когнитивный подход к метафоре, получивший развитие в 1980—1990-ые годы, открыл новые возможности для осмысления механизмов действия метафоры, выявления многоуровневых связей между языковыми конструкциями и когнитивными установками, а также понимания устойчивого влияния стереотипов на мышление.

Принципиально важен тезис Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что конвенциональные метафоры и, как следствие, понятийные структуры, базируются на культурном опыте. Данный тезис становится ключевым для понимания того, как интерпретирует, деконструирует метафорические образы и создает новые метафоры Э. Сиксу в эссе «Смех Медузы».

Поскольку Э. Сиксу обращается к мифу о Медузе как центральному образу в построении своей концепции женского письма, для нас представляют интерес высказывания исследователей о мифе и мифологическом мышлении. Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут о том, что миф и метафора воспринимаются как истины и имеют общую функцию, а именно формируют наше осмысление окружающего мира, детерминируют наше поведение и определенное отношение к тем или иным явлениям.

Таким образом, теория метафоры представляет необходимый научный инструментарий для анализа, включающего выявление ключевых метафор; способы их формирования или деконструкции; их семантический анализ; их функционирование в культурном контексте.

Учитывая тот факт, что эссе Э. Сиксу написано образным, метафорически богатым и эмоциональным языком, важным инструментом анализа авторов статьи является прием деконструкции текста. Он позволяет определить невыраженную в прямых формулах концепцию женского письма, его типологические признаки, а также увидеть подтексты и обозначить логику размышлений Э. Сиксу. Текст эссе изобилует метафорическими образами, поэтому авторы сочли необходимым сосредоточиться на анализе трех из них, являющихся ключевыми для конкретизации концепции женского письма.

Анализ данных позволяет продемонстрировать значение метафор для обозначения новых культурных явлений и дефиниций, а также определить их роль в презентации женского телесного, психологического, интеллектуального опыта.

Результаты и обсуждение

Отправной точкой для написания эссе «Смех Медузы» становится оценка Э. Сиксу сложившейся в литературе ситуации, когда, на ее взгляд, сложно было обнаружить произведение, описывающее природу женщины, а «исключения настолько редки, что, изучив литературу разных языков, культур и эпох, можно только поразиться этой тщетной разведывательной миссии» [1; 942]. Другая проблема заключалась в критически малом числе писательниц, даже при том, что их количество несколько увеличилось с XIX века. Следующая проблема, на взгляд Э. Сиксу, состояла в том, что значительное количество текстов писательниц «ничем не отличается от мужского письма и которое либо затемняет женщин, либо воспроизводит классические изображения женщин» [1; 942]. Под «классическими изображениями» женщин Э. Сиксу понимает традиционный образ женщины, представленный в литературе, и характеризующийся как чувствительная, мечтательная, таинственная и т.п.

Декларируя концепцию женского письма, Э. Сиксу определяет ряд целей, которых можно достичь при условии, что женщины сами будут описывать свой мир и окружающую действительность такими, какими они их видят. «Женщина должна писать самое себя: должна писать о женщинах и привлечь женщин к процессу писания, от которого они были отторгнуты так же жестоко, как и от собственного тела, по тем же причинам, с помощью тех же законов и с той же фатальной целью» [1; 940]. Создание женского письма, по мысли Э. Сиксу, откроет новую страницу в литературе, поскольку появятся тексты, отражающие не вымышленный мужчиной мир женщины-героини, а открывающие реальный жизненный опыт, взгляды, чувства женщин.

Важным фактором женского письма становится то, что автор-женщина будет самовыражаться в тексте через внутреннее «я», женскую телесность и эмоции. Главное, женщина сама будет презентовать себя и перестанет быть объектом изображения писателя-мужчины, который фантазирует, воображает мир женщины, навязывая миллионам читателей ложные представления о том, что и как чувствует женщина, какими она видит других людей и окружающий ее мир.

Значимым элементом этого процесса для Э. Сиксу становится то, что женщина возвращает себе право голоса, которого она была лишена многие столетия из-за социокультурных практик, навязанных стереотипов о женском творчестве, дискриминации и нежелании мужчин (писателей, редакторов, издателей) видеть соперников в творчестве в лице женщин. Она пишет о положении, в котором «у женщины никогда не бывает своей очереди говорить — тем более серьезным и непростительным в этом сочинении является как раз сама возможность изменения, пространство, которое может послужить трамплином для подрывной мысли, предварительным движением трансформации социальных и культурных структур» [1; 942-943]. По мысли Э. Сиксу, акт письма для женщин должен стать путем обретения себя, восстановления своей идентичности и своего возвращения в мир. Путь к этому лежит через отказ от мужской центрированности, мужской стилистики, мужской образности и художественного языка. Женское письмо рассматривается Э. Сиксу как альтернатива, которая не только противостоит мужскому типу письма, но и подрывает за века сложившиеся в культуре взгляды, интерпретации, идеи, связанные с миром женщины.

С целью объяснения того, что представляет собой женское письмо, Э. Сиксу использует метафорические образы, каждый из которых позволяет раскрыть разные грани этого явления. Поскольку теория женского письма в 1970-ые годы еще не была до конца сформирована, а, по мнению феминистских критиков, традиционное письмо следовало реформировать или, точнее, создать новое, то

Э. Сиксу в достаточно кратком эссе пытается изложить собственное преставление о женском тексте и его принципиальном отличии от мужского. Э. Сиксу использует образный, метафорически насыщенный язык, который позволяет не только очертить контуры ее концепции, но и прибегнуть к лексике, связанной с телом и сексуальностью, для выражения властных отношений доминирования/подчинения в самых разных их проявлениях: пол, право, творчество, язык и др. Обращение Э. Сиксу к метафорическому языку неслучаен, поскольку то, что она определяет, сложно изложить посредством формул и лаконичных описательных структур. Более того, она ломает прежние когнитивные схемы и создает новые, связанные с женским письмом и призванные метафорически передать его суть. Дж Лакофф и М. Джонсон пишут о том, что «метафоры могут творить для нас реалии, в особенности социальные реалии. Следовательно, метафора может стать ориентиром для будущих действий...» [11; 184]. Своими метафорами Э. Сиксу создает «самоисполняющееся пророчество» и творит новые реалии, меняющие отношение к миру женщины.

Размышляя о праве женщины на голос и самопрезентацию, Э. Сиксу обращается к мифологическому образу Медузы, вынесенному в заглавие эссе. Образ смеющейся Медузы становится символом разрушения доминирующего дискурса о ней. Э. Сиксу взрывает миф о Медузе, точнее его интерпретацию, которая доминировала в культуре, как минимум, после завершения эпохи античности. В этом действии реализовано то, что становится, по мысли Э. Сиксу, актом подрыва, а само женское письмо она называет «повстанческим письмом». Э. Сиксу отмечает: «Женский текст не может не быть более чем подрывным. Это вулканическое вещество... другого пути нет...» [1; 949].

В эссе не излагается история несправедливого отношения к Медузе. Однако скрытая от людей, а затем обезглавленная Медуза выступает символом того молчания, которое не позволяло женщинам выразить себя в языке, тексте. Э. Сиксу предлагает новый образ Медузы: «Вам достаточно посмотреть прямо на Медузу, чтобы увидеть ее. И она не смертельна. Она красивая и она смеется» [1; 947]. Почему Э. Сиксу видит Медузу смеющейся, в то время как произведения искусства убеждают нас в том, что Медуза страшна, агрессивна и заключает в себе угрозу? В смехе Медузы для Э. Сиксу содержится подрывной акт. Медуза не соглашается, не принимает навязанную ей роль. Она собирается сказать правду о себе, но для начала необходимо разрушить созданный и растиражированный в культуре миф о ней. По мысли Э. Сиксу, ложь о Медузе можно разрушить, подняв на смех клевету, показав свое пренебрежение по отношению к взгляду, продиктованному патриархальной традицией. Э. Сиксу называет это «разбить «правду» смехом» [1; 949]. «Правда», скрываема за мифом о Медузе, должна быть разрушена, поскольку это способно обнажить истинное положение женщины, лишенной права за защиту, обреченной на молчание и, как следствие, предстающей перед миром сквозь призму мужского взгляда. Элен Сиксу предлагает концепцию о женском смехе (смехе Медузы) как способе освобождения от ограничений и подавления, налагаемых патриархальной культурой. Смех у нее становится признаком собственной субъектности, наличия чувств и мыслей. Э. Сиксу утверждает: чтобы история изменилась, надо перестать «слушать сирен (ибо сирены были мужчинами), чтобы история изменила свой смысл» [1; 947].

Одной из ключевых когнитивных операций осуществленных Э. Сиксу, становится переосмысление мифа о Медузе. Она указывает на то, что традиционная интерпретация вступает в противоречие с изначальным образом Медузы, представленным у Гесиода в «Теогонии» и у Овидия в «Метаморфозах». Э. Сиксу раскрывает обусловленность ментальных стереотипов тенденциозными толкованиями мифологических образов.

Насколько обоснован предложенный Э. Сиксу взгляд на Медузу? Как новый культурный и социальный контексты делают ее прочтение более актуальным и соответствующим реальной истории Медузы? Парадоксальным образом жертва насилия Медуза стала символом угрозы, ужаса и отторжения. Афина наказала Медузу тем, что всякий, кто посмотрит в глаза Медузы, будет погублен. Насильник Посейдон остался безнаказанным, а жертва насилия Медуза, сама страшась своего облика, скрылась от людей. Даже если бы Медуза решила рассказать правду о случившемся, никто не стал бы ее слушать, опасаясь взглянуть на нее и превратиться в камень. Так, наказание Медузы лишило ее права голоса и спасло от обвинения Посейдона. Другой мужчина — Персей — отыскал Медузу в ее добровольном изгнании, обезглавил ее, и этот его поступок стал почитаться как подвиг.

Вслед за Э. Сиксу исследователи задались вопросами, которые долгие века не ставились: почему за насилие наказана жертва? Почему изгоем становится Медуза, а не Посейдон? Почему Медуза, скрывшись от людей, является угрозой? Почему Персей прославлен как герой, хотя его «подвиг» заключается в том, что убивает жертву насилия Посейдона и несправедливого решения Афины?

Безусловно, Э. Сиксу была не единственной, кто обратил внимание на то, что Медуза являлась жертвой. Об этом напоминает и Овидий в 4-ой книге «Метаморфоз» [15]. Как отмечает М. Зебра: «Но, как это часто бывает, Овидий усложняет тон: его Медуза сочетает в себе ужасную красоту с пафосом страдания за зло, которого она сама не совершала» [16]. Следует отметить, что Овидий не говорит о странности и нелогичности последовавшего наказания Медузы. Однако немаловажен тот факт, что Овидий упоминает о красоте Медузы и множестве соискателей ее сердца до того, как она стала жертвой насилия. Она, отказав Посейдону в любви, была наказана им за свою независимость и наличие собственной воли. Так, за закрепившимся в представлениях людей образом страшной Медузы скрывается наказанная за красоту и независимость женщина, не пожелавшая подчиниться, несущая крест несправедливого наказания и обреченная на страдания. Ее добровольное изгнание — это символ молчания. Она не рассказала правду, не пожаловалась на несправедливость Афины, не призвала виновного к ответу, не потребовала справедливости. Более того, угроза погибнуть от взгляда на Медузу не позволяла никому узнать ее правду и увидеть ее настоящую — некогда красивую, гордую, независимую, а теперь поверженную, наказанную за желание Посейдона обладать ею.

Э. Сиксу рассматривает Медузу как собирательный образ, символ женщины, наказанной за красоту и независимость, дискриминируемой, изгнанной, лишенной голоса. Автор эссе смеется над страхом мужчин перед женщиной и над «подвигом» Персея: «Им нужно нас бояться. Посмотрите на дрожащих Персеев, пятащихся к нам спиной, одетых в апотропы» [1; 947].

Квинтэссенцией традиционного прочтения образа Медузы становится эссе З. Фрейда «Голова Медузы» [17], написанное им в 1922 году. З. Фрейд рассматривает Медузу в качестве сексуального объекта, прочитывая мифологический образ в рамках психоаналитической теории. Эссе З. Фрейда и Э. Сиксу представляют собой два диаметрально разных взгляда на образ Медузы. С одной стороны, холодный анализирующий взгляд мужчины на объект, в котором он видит угрозу, врага. С другой стороны, взгляд изнутри, эмоциональный, полный эмпатии. Интерпретации З. Фрейда и Э. Сиксу демонстрируют разную логику и язык — мужской и женский. Э. Сиксу называет рассуждения З. Фрейда в рамках его теории психоанализа «восхитительными истериками». Смена ракурса, принятая Э. Сиксу, обусловила смену восприятия, при котором Медуза выступает не объектом, а субъектом.

Наблюдаемая в мифе и его последующей интерпретации объективация Медузы позволяла игнорировать ее личность, ее чувства, ее положение жертвы. Из мифа мы знаем об отталкивающей, пугающей внешности Медузы, но ничего не знаем о ее чувствах; о ней что-то сообщают, но мы не слышим ее голоса; мы воспринимаем ее через призму других, но не знаем ее мыслей, ее страданий. Минимизация сведений о ней как о способном чувствовать человеке приводит к ее объективации. У. Даффи отмечает: «Сведение к минимуму представления о Медузе как о человеке облегчило более поздним культурам дальнейшее игнорирование или даже стирание ее человечности» [18; 13].

Для Э. Сиксу определяющим в понимании и презентации становится ракурс, перспектива. Она утверждает, что женщина не может быть описана со стороны, как объект исследования. Элен Сиксу указывает на то, что традиционно женщины были изображены сквозь призму мужского взгляда, т.е. как объект. Эта перспектива привела к искаженному представлению о женщине, ее чувствах, мыслях, самооценке. Искажение отражалось в культурных образах и стереотипах, которые не только подчеркивали подчиненность женщин, но и лишали их собственного голоса. Веками доминирующий в культуре взгляд мужчины сформировал однобокое восприятие многих образов искусства. Бауэрс Р.С. отмечает, что образы женщин из греко-римской мифологии остаются «закодированными в нашем сознании» в их патриархальной интерпретации. Исследователь пишет: «Мифологическая фигура Медузы, этот основной символ женской сексуальности, является хорошим примером того, насколько глубоко мужской взгляд структурирует как мужское, так и женское восприятие женщин...» [19; 217].

Э. Сиксу призывает женщин самим писать о себе, став субъектом, вернувшись в историю, литературу, мир. Она просит женщин не верить в то, что они ужасны и несут угрозу. Главное, женщинам не следует выбирать добровольное изгнание и молчание. Иначе вместо них, о них, за них будут говорить мужчины. И тогда с женщинами случится та же история, что и с оклеветанной Медузой, которая была наказана за чужие грехи, стала воплощением ужаса и оказалась изгоем. Д.К. Пертиви указывает на молчание Медузы, видя в этом символ подчиненного положения женщины: «Не было литературных или художественных произведений, показывающих ее силу или попытку противостоять Персею как выражение сопротивления женщины патриархальному обществу. Здесь молчание Медузы я свя-

зыкаю с представлением о положении женщины в обществе» [20]. Самая главная мотивация создания женского письма для Э. Сиксу — это прервать молчание женщины в литературе.

Традиционная интерпретация мифа о Медузе искажает не только ее образ, но и скрывает истинную суть Персея, представляемого героем и избавителем мира от чудовища. Действие Персея, обезглавливающего Медузу, символизирует попытки мужчин подавить женщин и лишить их собственного взгляда на мир и, главное, голоса. Об этом же пишет Ш.Х. Калифа-Гета: «Персею не нужно беспокоиться о том, что он не сможет убить Медузу — здесь нет борьбы и почти никакой опасности. Поскольку у Медузы нет шансов дать ему отпор, то его поступок не является ни благородным, ни аналогичным убийству дракона» [21; 216-217].

В Медузе Э. Сиксу обнаруживает источник силы, потенциал для возрождения. Удивительным образом голова Медузы в культуре стала использоваться как символ свободы, т.е. символом того, чего саму Медузу лишили. Щитом с изображенной на нем головой Медузы защищалась Афина, следовательно, Медуза была тем, кто мог противостоять мужчине.

Таким образом, Э. Сиксу меняет перспективу и видит иную Медузу. Примеру Э. Сиксу следуют многие исследователи, реабилитируя Медузу и создавая новый метафорический образ. Это новое прочтение мифа о Медузе трансформирует не только ее образ, но и меняет взгляд на женщину. Так, смена перспективы позволяет менять систему оценок, когнитивные структуры и, в конечном итоге, саму реальность. Дж. Лакофф и М. Джонсон: «Новые метафоры обладают способностью творить новую реальность... Если новая метафора становится частью понятийной системы,... служащей основанием нашей деятельности, она изменит эту систему, а также порожаемые ею представления и действия» [11; 175]. Э. Сиксу создает новую понятийную систему, которая предлагает новую систему координат. Она расширяет ментальное пространство, которое, согласно Ж. Фоконье и М. Тёрнеру, представляет собой поле концептуализации и мышления. Исследователи отмечают, что ментальные пространства, содержащие ментальные сущности, структурируются когнитивными моделями и «могут быть изменены по мере развития мысли и дискурса» [22; 40]. Создание новых когнитивных моделей, снимающих противоречия (как в случае с Медузой), увеличивающих базовые предпосылки (предыстория наказания Медузы), смещающих центр внимания (точка зрения Медузы, — не Персея), способны породить новые ментальные пространства и, значит, новые смыслы.

Отчего зависит «подвижность» семантики метафорических образов? Причиной могут быть как тенденциозные интерпретации, так и переменявшиеся условия, в которых прежние трактовки представляются неуместными, морально устаревшими или одиозными. Здесь следует сказать о влиянии культуры, социальных отношений и ценностных ориентиров на прочтение метафорических образов. В 1970-ые годы, время написания и публикации анализируемого эссе, эмансипация женщин привела к тому, что многие патриархальные установки, в т.ч. ментальные, подверглись деконструкции, прямой критике, иногда и полному разгрому. Э. Сиксу обращает внимание на влияние общего культурного контекста на письмо: «Я однозначно утверждаю, что существует такая вещь, как отмеченное письмо; что до сих пор, гораздо более широко и репрессивно, чем когда-либо предполагалось или признавалось, писательством управляла либидинозная и культурная — следовательно, политическая, обычно мужская — экономика...» [1; 942]. Вариативность метафоры зависит от состояния сообщества, в котором она формируется и функционирует. Так, при рассмотрении образа Медузы М.Р. Декстер советует «принимать во внимание мировоззрение и социально-политическую позицию патриархальных культур, которые ее создают...» [23; 41], подчеркивая тенденциозный характер трактовки мифа. Тенденциозность в данном случае обусловлена патриархальной культурой и связанным с ней доминированием мужского взгляда. Смена ментальности и ценностных ориентиров сообщества приводят к смене концептуальных установок, влияют на подвижность и трансформацию когнитивных структур, что приводит к новому прочтению метафорических образов.

З. Кёвексес в статье «Метафора и культура» пишет о том, что «несколько библейских метафор были переработаны на протяжении веков», и объясняет это тем, что метафора, которая структурирует дискурс, может не являться глубоко укоренившейся общепринятой концептуальной метафорой [24; 215]. Он же пишет, о том, что метафоры внутри одной культуры могут иметь вариации, что «может происходить по ряду измерений, включая социальные, региональные, этнические, стилевые, субкультурные, диахронические и индивидуальные измерения» [24; 217]. На наш взгляд, гораздо большее влияние на изменение семантики когнитивных метафор, циркулирующих в одной культуре, оказывает именно трансформация социальных, властных отношений и моральных установок. Э. Сиксу обращает внимание на этот аспект, подчеркивая, что «когда «подавленные» в их культуре и обществе воз-

вращаются, это взрывное, крайне разрушительное, ошеломляющее возвращение... Заглушенные на протяжении всей своей истории, они жили в мечтах, в телах (хотя и приглушенных), в молчании, в афонических бунтах» [1; 948]. Свое «повстанческое письмо» Э. Сиксу творит на руинах прежней культуры и ее маркеров, тем самым, бросая вызов доминирующим дискурсам и формам их функционирования.

В своем эссе Э. Сиксу предостерегает женщин-авторов от искушения следовать традиционно мужскому взгляду и описательному языку. Поскольку суть воплощается в языке, то при сохранении мужского типа письма сохранится в содержание дискурса: «Заманивая их яркими означающими, демон интерпретации — косой, украшенный современностью — продает им те же старые наручники, безделушки и цепи» [1; 952].

Автор эссе заочно полемизирует с З. Фрейдом и в случае со следующим метафорическим образом — Африкой. З. Фрейд сравнил жизнь взрослой женщины для психоанализа с темным континентом и неизведанной землей [25]. Образ таинственного, непонятного темного континента Африки связан с историческим контекстом. Африка была колонизирована европейскими державами в XIX–начале XX века, что привело к сокрытию и подавлению множества африканских культур и традиций. Колониальные державы создали образ Африки как дикой, таинственной и недоступной для понимания, преследуя цель сокрытия эксплуатации Африки и сохранения контроля над ее территориями. Этот образ Африки пропагандировался и получил широкое распространение в западном мире. Феминистки в поиске аналогий и символов женской дискриминации обращаются к образу Африки, толкование которой было сформулировано выходцами из «белого» континента. Вместо того чтобы постичь суть Африки, ее сочли непостижимой, таинственной, сокрытой тьмой, темной, и удовлетворились трактовкой той Африки, которую придумали вместо настоящей. Кроме того, Африку лишили права говорить за себя, о себе, заставили стыдиться себя.

Э. Сиксу использует противопоставление «белого» и «черного» континентов, отсылая к бинарным оппозициям Европы и Африки, цивилизованного и дикого, понятного и таинственного, правильного и неправильного, доминирующего и дискриминируемого. Она пишет: «Чёрный Континент не тёмный и не неизведанный. — Он до сих пор не исследован только потому, что нас заставили поверить, что он слишком темен, чтобы его можно было исследовать. И потому что они хотят заставить нас поверить, что нас интересует белый континент с его памятниками Лаку» [1; 947].

Она обращается к образу Африки, чтобы показать, что женщина должна освободиться от привычных и ограничивающих культурных норм, так же как и колониальные страны освобождаются от господства «белого» континента. Э. Сиксу проводит аналогию и полагает, что положение Африки и женщины одинаковы. Как и Африку, мужчины не поняли женщину и удовлетворились понятным, схематичным, удобным для них толкованием. Истоки сходства Африки и женщины Э. Сиксу находит в истории взаимоотношений Европы/Африки и мужчины/женщины. Так, европейцы, не понимая Африку и даже страшаясь ее, нарисовали себе некий стереотипный образ, далекий от настоящей Африки. Так же и мужчины, не умея постигнуть, не понимая женщину, создали некий образ женщины, таинственной и пугающей. И этот образ получил закрепление в литературе, и словно бы уже не нуждался ни в понимании, ни в раскрытии, ни в новых попытках осмысления. Это придуманный образ женщины перекочевывал из текста в текст. Даже сами женщины поверили, что они непостижимы, таинственны, и, следовательно, нет необходимости даже пытаться выразить себя.

Таким образом, рассмотрение образа Африки как метафоры женщины позволяет автору эссе донести важнейшую мысль о том, что женщина и ее мир остается в литературе такой же неизведанной территорией, как Африка, о которой судят поверхностно, ошибочно, стереотипно. В контексте постколониальной теории образ Африки рассматривается как символ колониальной эксплуатации и подавления. Развивая этот тезис, Э. Сиксу говорит о мужском доминировании и подавлении женщин на протяжении долгой истории, и метафорически женщина становится той же Африкой — объектом, который эксплуатировался, был лишен прав и собственного голоса.

Одной из ключевых тем, поднятых в анализируемом эссе, является проблема социокультурных ограничений, налагаемых на женщин и формирующих их представления о себе, своих потребностях и возможностях. Э. Сиксу указывает на то, что женщинам внушалось, что их интересы ограничены «белым континентом», который представлен как место стабильности и безопасности, в то время как их собственный «темный континент», место непредсказуемости и опасности, продолжал оставаться вне должного внимания. Африка и женщина оказались охвачены страхом перед самими собой, ощущая себя «запертыми» в рамках определенных стереотипов. Автор эссе призывает не прятаться за

неубедительными аргументами о том, что женщина/Африка слишком темна и таинственна, чтобы ее понять. Э. Сиксу призывает не бояться «тайн» и табуированных тем: «Поторопимся: континент не является непроглядной тьмой. Я там часто бывала» [1; 947].

Э. Сиксу подчеркивает, что женщинам часто внушали страх перед собственной «темнотой», как символом неизвестного, опасного и запретного. Этот внушаемый страх становится инструментом их подчинения и ограничения в личной жизни, обществе, творчестве, где женщины должны были следовать определённым правилам и соответствовать отведенной им роли. Автор эссе пишет: «Как только они (женщины. — А.М.) начинают говорить, одновременно с обучением их своему имени их можно научить тому, что их территория черная: поскольку ты — Африка, ты черная. Твой континент темен. Темнота опасна. Ты ничего не видишь в темноте, ты боишься. Не двигайся, ты можешь упасть... Итак, мы интернализировали этот ужас темноты» [1; 942]. Э. Сиксу отмечает, что принятие установившихся стереотипов и навязанных нарративов становится внутренним регулятором для женщин. В эссе Э. Сиксу разрушает стереотип, связанный с Африкой. Она утверждает, что Африка — не черная, не дикая, не таинственная. Она просто была лишена собственного голоса, чтобы самой рассказывать о себе. И она оклеветана так же, как и Медуза. Э. Сиксу резюмирует: «Они заковали нас между двумя ужасающими мифами: между Медузой и бездной» [1; 947].

Таким образом Э. Сиксу формирует новую концептуальную метафору на основе эмпирического сходства. Африка/женщина в ее представлении становится символом неиспорченной природы, неукощенной энергии и свободы. Элен Сиксу исследует положение женщин, которое ассоциируется с неизведанными территориями, ограниченными возможностями и страхами, сконструированными культурными и социальными нормами. Она призывает просто вернуть Африке/женщине право голоса, и тогда они сами расскажут о себе, сняв покровы тайны и страха: «Мы, не по годам развитые, мы, подавленные культурой, наши прекрасные рты, заткнутые пылью, наш ветер, выбитый из нас,... — мы черные и мы прекрасны» [1; 942].

Автор эссе акцентирует внимание на механизмах подавления и контроля, используемых патриархальной системой. Она отмечает, что эти механизмы, в том числе манипуляции нарративом о «темном континенте», препятствуют осознанию и открытию женщинами своей истинной природы. Э. Сиксу призывает к переосмыслению культурных и идеологических норм, которые поддерживают доминирование и угнетение. Она с иронией пишет о принятой практике объяснять женщинам их собственную природу или навязывать некий образ, которому женщина должна соответствовать: «Подожди, тебе все объяснят, и ты узнаешь наконец, к какому виду невроза ты имеешь отношение. Подождите, мы нарисуем ваш портрет, чтобы вы сразу стали похожими на него» [1; 952]. Таким образом, эссе Элен Сиксу привлекает внимание к проблемам женского ментального освобождения и подчеркивает необходимость освобождения от культурных и социальных уз, а также активного противодействия различным формам и инструментам подавления, в том числе посредством языка. Этот путь позволит достичь полной и равноправной интеграции женщин в культуру.

Предметом критики Э. Сиксу становится привычка классифицировать женщин по типам и в итоге создавать сухие, ходульные образы: «Нарицательные» существительные — это также имена собственные, которые принижают вашу уникальность, классифицируя ее по видам. Вырваться из кругов; не оставайтесь в рамках психоаналитического замыкания» [1; 952]. Выход она видит в том, что женщины должны пытаться «вырваться из ловушки молчания». Все еще «темную территорию» могут исследовать и описать сами женщины, создавая на этом пока «темном» фоне тексты «белыми чернилами», тем самым, сняв с нее покровы тайны, за которой, на самом деле, скрывалось нежелание, неготовность мужчины узнать и принять настоящую женщину.

Женское письмо Э. Сиксу метафорически назвала «белыми чернилами». По ее мысли, семантическим референтом для образа «белых чернил» становится материнское молоко. Она пишет, что «женщина никогда не бывает далека от «матери» (я имею в виду вне ее ролевых функций: «мать» как неимя и как источник благ). В ней всегда есть хоть немного того доброго материнского молока. Она пишет белыми чернилами» [1; 944]. Поскольку важным маркером женского письма становится признание первичности телесности и физического опыта женщин, т.е. того, что априори не может чувствовать и, следовательно, адекватно художественно изобразить автор-мужчина, то Э. Сиксу находит тот референт, который передает природу женщины. Автор эссе берет за основу ту функцию женщины, которая присуща только ей, — способность к материнству: «В женщине скрыт и всегда готов источник; место для другого. Мать тоже является метафорой» [1; 944]. Еще: «В женщине всегда есть больше или меньше материи, которая все делает хорошо, которая питает и противостоит разлуке» [1;

945]. Отсюда призыв Э. Сиксу, обращенный к женщинам, создавать тексты «через свои тела», которые будут адекватно передавать их собственный уникальный физический опыт, их субъектность, их чувства и мировосприятие. Это, по мнению Э. Сиксу, позволит не только создать новую образность и художественный язык, но и разрушить существовавшие ранее барьеры, риторику, правила, классификации, литературные каноны.

В анализируемом эссе проводится мысль о необходимости «научиться говорить», т.к. немая женщина не может быть хорошим бойцом. Автор пишет о женском письме как о подрывном действии, поскольку, описав себя, женщина вернется к своему телу, к самой своей сути. Э. Сиксу проводит связь между телом и языком, телом и письмом, утверждая, что, цензура тела подвергает цензуре речь, высказывание. Создавая свое письмо, женщина прорвется сквозь многовековую перспективу мужского взгляда, в котором она была объектом; женщина освободится от сложившихся в литературе форм и способов ее изображения. Тем самым она подорвет традицию мужского письма: «Если женщина всегда функционировала «внутри» мужского дискурса, означающее, которое всегда отсылало к противоположному означающему, которое уничтожает его специфическую энергию и уменьшает или подавляет его совершенно разные звуки, то для нее настало время вытеснить это «внутри», взорвать его...» [1; 948].

Образ «белых чернил» противопоставляется традиционным «черным чернилам», символизирующим освященную канонам мужскую литературную традицию. «По незнанию большинство читателей, критиков и писателей обоих полов, — отмечает Э. Сиксу, — не решаются признать или прямо отрицать возможность или уместность различия между женским и мужским письмом» [1; 946]. Поскольку мужчины пишут черным по белому, то Э. Сиксу предлагает женщинам переиначить эту манеру письма и писать белым по черному. Черное здесь — символ тайны, непознанного, Африки. Именно «белыми чернилами» можно писать на «черном фоне», каковым является женщина, сокрытая невысказанностью, лишенная голоса. «Белые чернила» позволят письмам проявиться на «черном», дадут ему заговорить и открыть присущую ему природу, не прячась за некоей «тайной», «загадкой», «непостижимостью».

Так, Элен Сиксу создает новую метафору, емкую по своей сути, которая на глубинном уровне, включая когнитивные механизмы, объединяет образ Африки и самого естества женской (материнской) природы, тем самым, порождая образ «белых чернил», проявляющихся на черном, ранее сокрытом и пугающем, фоне/теле.

Метафора «белых чернил» становится важнейшей частью ответа на вопрос о том, что есть женское письмо. Э. МакКормак описывает метафору как когнитивный процесс, который выражает и формирует новое понятие, в итоге изменяя сам язык [12]. Это процесс мы обнаруживаем в тексте Э. Сиксу, которая предлагает интерпретацию женского письма как имеющего свои собственные характеристики: особый изобразительный язык, символику, тематику, отличные от мужской литературной традиции. Она рассматривает женское письмо как средство выражения женской индивидуальности, женского опыта, которые искажались, игнорировались в традиции мужского письма или оставались просто недоступными авторам-мужчинам по объективным причинам.

Женские образы в литературе на протяжении веков изображались авторами-мужчинами, т.е. с точки зрения мужчины, презентуя его собственные представления о женской природе, женской психологии, женских ценностях и идеалах. В свою очередь, на протяжении веков миллионы читательниц смотрели на самих себя глазами мужчины, оставаясь объектом. И, наконец, доминирование мужчин в литературе привело к формированию мужского языка, что находит выражение в образах, эпитетах, ассоциациях, метафорах и т.д. В этой «ловушке» оказывались писательницы, которые выросли на мужских текстах и невольно осваивали мужскую манеру письма, как единственно существовавшую, безальтернативную. Э. Сиксу предложила альтернативу: «Нет смысла также присваивать себе их инструменты, их концепции, их места или завидовать им их позиции мастерства... Для нас цель не в том, чтобы завладеть, чтобы усвоить или манипулировать, а, скорее, в том, чтобы прорваться...» [1; 949]. Так, автор эссе предлагает женщинам отказаться от мужского взгляда на мир и найти свою собственную перспективу, освободившись от культурных, социальных и литературных стереотипов.

Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают метафору «как механизм создания новых значений и новой реальности в нашей жизни» [11; 218]. Э. Сиксу верит, что формирование новых смыслов, метафор, языка позволит создать новую реальность, в которой женщина сама будет говорить о себе и, следовательно, из объекта превратится в субъект. «Белые чернила» символизируют освобождение от стандартов и художественного языка, которые стали результатом мужского доминирования в литера-

туре. Э. Сиксу предлагает использовать «белые чернила» как альтернативный литературный дискурс, способный адекватно изображать природу женщины, ее физический, ментальный, эмоциональный опыт.

Описание женщины самой себя отличным от мужского языком — это, по мнению Э. Сиксу, «новое повстанческое письмо», посредством которого «женщина вернется к телу, которое у нее более чем конфисковали, которое превратили в жуткого незнакомца на витрине — больную или мертвую фигуру...» [1; 943]. Только «повстанческое письмо» способно обеспечить «сокрушительное вхождение в историю» женщины. Важным условием этого акта становится выход из традиционного мужского дискурса. Просто писать о женщине недостаточно, — необходимо создать новый язык, новые «чернила», отличные от мужских: «Нет смысла также присваивать себе их инструменты, их концепции, их места или завидовать им их позиции мастерства. Тот факт, что существует риск опознания, не означает, что мы поддаемся. Давайте оставим это беспокойным людям, мужской тревоге и ее одержимости тем, как доминировать над тем, как все работает — зная, «как это работает», чтобы «заставить это работать». Для нас цель не в том, чтобы завладеть, чтобы усвоить или манипулировать, а, скорее, в том, чтобы прорваться...» [1; 948].

Заключение

Анализ когнитивных метафорических образов в эссе Элен Сиксу «Смех Медузы» позволяет сделать ряд существенных выводов. Метафоры используются Э. Сиксу как средство описания нового феномена — концепции женского письма, которая начала формироваться в 1970-ые годы. Авторами статьи рассмотрены три ключевые метафоры (Медуза, Африка, «белые чернила»), посредством которых Э. Сиксу разворачивает рассуждения о сути нового типа повествования, отличного от традиционного — мужского.

В эссе «Смех Медузы» Элен Сиксу подчеркивает значимость женского голоса в литературе и призывает к освобождению от стереотипов мужского восприятия женщины и мужского изобразительного языка. Согласно Э. Сиксу, традиционная литература и язык были сформированы посредством мужской перспективы, теперь же женщины должны создавать свой собственный литературный дискурс, который отражал бы их сущность, опыт, мысли, чувства.

Предложенная Э. Сиксу смена перспективы и отказ от центрации мужского взгляда разрушает утвердившейся в культуре образ Медузы. Реконструкция истории Медузы представляет иной образ, который позволяет видеть в ней женщину вообще, жертву мужского доминирования, дискриминируемую, лишенную права голоса. Этот образ позволяет Э. Сиксу определить главную цель женского письма — прервать молчание, перестать быть объектом мужской интерпретации, обрести собственный голос, что приведет к разрушению ложных или тенденциозных стереотипов о женщине. Э. Сиксу утверждает, что семантика и интерпретация метафорических образов обусловлены культурным, социальным контекстами и характером принятых в обществе властных отношений.

Посредством следующего метафорического образа — Африки — Э. Сиксу говорит о том, каким должен быть голос женщины, чтобы адекватно презентовать женскую идентичность. Женщина должна перестать соглашаться с мужским представлением о том, что она темна, таинственна, непостижима, и на этом основании отказаться от описания самой себя в литературе. Автор эссе предлагает писать через то, что было недоступно мужчинам в их описании женских образов, — через женскую телесность. Э. Сиксу убеждена, что цензура тела приводит к цензуре высказывания: «Цензурируйте тело, и вы одновременно подвергаете цензуре дыхание и речь» [1; 943].

Наконец, метафорический образ «белых чернил» позволяет Э. Сиксу презентовать тип письма, свободный от устоявшихся в традиции, т.е. мужских, стандартов художественного языка. Она говорит о необходимости для женщин стать субъектами литературного процесса, текста, языка.

Осуществленная авторами статьи деконструкция метафорических образов в эссе Э. Сиксу позволяет обозначить признаки женского письма, которое становится не только инструментом самовыражения, но и средством освобождения от вынужденного молчания и орудием против искаженного, тенденциозного изображения образа женщины в литературе. Так, Э. Сиксу выстраивает триаду, где Медуза — тело, Африка — душа, «белые чернила» — способ передачи духовного и телесного опыта женщины. Женское письмо становится адекватным инструментом презентации женщинами своей картины мира, взглядов, жизненного опыта. Это письмо подразумевает создание особого языка, основанного на женской психологии и физиологии, образом мышления и эмоциональности.

Элен Сиксу разрабатывает концепцию женского письма как уникальное социокультурное явление и способ высказывания, призванный отразить опыт женщины, ее субъектность, а также способствовать изменению мышления, расширению когнитивной системы. Дефиниция «женское письмо» под пером Э. Сиксу превращается в метафору подрывного акта, освобождения от стереотипного взгляда на женщину, канонизированных изобразительных средств, претендующих на правдивое описание женщины.

Результаты исследования могут быть применены при анализе женских текстов на предмет их соответствия женскому типу письма.

Список литературы

- 1 Cixous H. The Laugh of the Medusa / H. Cixous // J. Rivkin, M. Ryan. *Literary Theory: An Anthology*. — Vol. 3. — John Wiley&Sons, 2017. — P. 940–954.
- 2 Al-Mahfedi M.H. The Laugh of the Medusa and the Ticks of Postmodern Feminism: Helen Cixous and the Poetics of Desire / M.H. Al-Mahfedi // *International Journal of Language and Literary Studies*. — 2019. — Vol. 1. — Issue 1. — P. 54–63.
- 3 Smith G. She Writes in White Ink: Dreams, Fantasy, and Sensation in Hélène Cixous' The Laugh of Medusa [Electronic resource] / G. Smith // *Retrospect Journal: Edinburgh University's History, Classics and Archaeology Magazine*. — Access mode: <https://retrospectjournal.com/2023/12/03/she-writes-in-white-ink-dreams-fantasy-and-sensation-in-helene-cixous-the-laugh-of-medusa/>
- 4 Priya T. Hélène Cixous' Écriture Féminine: Theory of the Feminine Body / T. Priya // *Research Journal of English Language and Literature (RJELAL)*. — 2016. — Vol. 4. — Issue 4. — P. 280–283.
- 5 Chakraborty D. Analyzing Ecriture Feminine in "The Laugh of the Medusa" / D. Chakraborty // *European Academic Research*. — 2013. — Vol. I. — Issue 9. — P. 2895–2904.
- 6 Batular F. A Feminist Stylistics Analysis of "The Laugh of the Medusa" by Hélène Cixous / F. Batular // *Folklor/Literature*. — 2019. — Vol. 25. — Issue 97-1. — P. 178–190.
- 7 Segarra M. Derrida, Cixous, and Feminine Writing / M. Segarra // HAL, 2019. — P. 226–239. hal-03299582
- 8 Dyer N.R. Ghostly red ink: Hélène Cixous' voice of milk and blood / N.R. Dyer // *Writing the Ghost Train: Refereed conference papers of the 20th Annual AAWP Conference*, 2015.
- 9 Bostow K.R. Loving Across Borders: The Queer, Transspecies Intimacies of Cixousian Sexual Difference / K.R. Bostow // *Modern Language Notes*. — 2019. — Vol. 134. — No. 4. — P. 806–825.
- 10 Gasbarrone L. "The Locus for the Other": Cixous, Bakhtin, and Women's Writing [Electronic resource] / L. Gasbarrone // *A Dialogue of Voices: Feminist Literary Theory and Bakhtin*. — University of Minnesota Press, 1994. Access mode: <http://www.jstor.org/stable/10.5749/j.cttsn34.4>
- 11 Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
- 12 МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // *Теория метафоры: Сборник*. — М.: Прогресс, 1990. — С. 358–386.
- 13 Киклевич А. Концептуальная метафора: универсальность или идиосинкратичность? / А. Киклевич // *Acta Polono-Ruthenica*. — 2004. — IX. — С. 249–261.
- 14 Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // *Теория метафоры: сборник*. — М.: Прогресс, 1990. — С. 33–43.
- 15 Овидий П.Н. Метаморфозы / П.Н. Овидий. — М.: Азбука, 2023. — 400 с.
- 16 Zerba M. Medusa, Monstrous Beauty, and Neuroaesthetics [Electronic resource] / M. Zerba. — 2024. — Access mode: <https://www.academia.edu/103728423/>
- 17 Freud S. Medusa's Head / S. Freud // *Writings on Art and Literature*. — Stanford: Stanford University press, 1997. — P. 264–265.
- 18 Duffy W.S. Medusa as Victim and Tool of Male Aggression [Electronic resource] / W.S. Duffy // *Verbum Incarnatum: An Academic Journal of Social Justice*. — 2020. — Vol. 7. — Article 1. — Access mode: <https://athenaeum.uw.edu/verbumincarnatum/vol7/iss1/1>
- 19 Bowers R.S. Medusa and the Female [Electronic resource] / R.S. Bowers // *NWSA Journal*, Spring. — 1990. — Vol. 2. — No. 2. — P. 217–235. Published by: The Johns Hopkins University Press. Access mode: <https://www.jstor.org/stable/4316018>
- 20 Pertiwi D.K. Medusa, the Victimized Monster [Electronic resource] / D.K. Pertiwi. — Access mode: <https://www.academia.edu/33416257/>
- 21 Khalifa-Gueta Sh. Medusa Must Die! The Virgin and the Defiled in Greco-Roman Medusa and Andromeda Myths [Electronic resource] / Sh. Khalifa-Gueta // *Athens Journal of Mediterranean Studies*. — 2021. — Vol. 7. — Iss. 3. — P. 201–232. — Access mode: <https://www.academia.edu/79483842/>
- 22 Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. — A Member of the Perseus Books Group, 2002. — 440 p.

23 Dexter M.R. The Ferocious and the Erotic “Beautiful” Medusa and the Neolithic Bird and Snake / M.R. Dexter // Journal of Feminist Studies in Religion. — 2010. — Vol. 26. — No. 1. — P. 25–41.

24 Kövecses Z. Metaphor and Culture / Z. Kövecses // Philologica. — 2010. — № 2, 2. — P. 197–220.

25 Фрейд З. К вопросу о дилетантском анализе / З. Фрейд // Фрейд З. Собрание сочинений [в 26 т-х.]. — СПб: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2021. — Т. 22. Очерк психоанализа. — 368 с.

А. Мустояпова, М. Өстемір

Элен Сиксуның «Медуза күлкісі» эссесіндегі когнитивтік метафоралар

Мақалада феминистік әдебиеттің маңызды мәтіндерінің бірі саналатын Элен Сиксуның «Медуза күлкісі» эссесіндегі когнитивтік метафоралар қарастырылған. Зерттеудің мақсаты — когнитивтік метафоралардың (Медуза, «ақ сия», Африка) әйел жазуы концепциясын қалыптастырудағы рөлін анықтау. Зерттеу материалы ретінде Э. Сиксуның эссе мәтіні алынған. Зерттеу әдістері когнитивтік талдау, семантикалық және интерпретациялық тәсілдер, мәтінді деконструкциялауды қамтиды. Мақала авторлары когнитивтік метафора ұғымына әңгімелеу тәсілдерін құру және деконструкциялау құралы ретінде назар аударады. Мақаланың өзектілігі әйел жазуы мәселесінің қазіргі әдебиеттану дискурсында маңызды болуымен байланысты. Ғылыми әдебиеттерге қысқаша шолу зерттеушілердің «Медуза күлкісі» эссесінде көтерілген мәселелерге және когнитивтік метафора теориясының зерттеу әдісі ретіндегі маңыздылығына тұрақты қызығушылық танытатынын көрсетеді. Зерттеу нәтижелері Э. Сиксуның мифологиялық және мәдени бейнелерді қолдануы әйелдік идентификацияны күшейтетінін дәлелдеді. Авторлар Медуза, «ақ сия» және Африка секілді метафоралық бейнелерінің әйел жазуы концепциясын ашудағы маңыздылығын анықтады. Ғылыми жаңалығы — мағыналары толықтай түрде өзара байланысы арқылы ашылатын аталмыш метафоралардың кешенді түрде қарастырылуында. Бұл тәсіл әйел жазуы концепциясын негізінен Медуза бейнесі арқылы ашуға бағытталған басқа зерттеулерден ерекшелейді. Метафораларға жүгіну Элен Сиксуға дәстүрлі, яғни ерлерге тән жазудан едәуір ерекшеленетін жаңа типтегі баяндаудың мәні туралы ой жүгіртуге мүмкіндік береді. Э. Сиксу ерлер көзқарасының үстемдігін ығыстырып, мәдениетте қалыптасқан Медуза бейнесін үрейлі, қорқынышты құбылыс ретінде қабылдайтын түсінікті бұзады. Жаңа көзқарас Медузаны ерлер үстемдігінің құрбаны, құқығы тапталған, үні жоқ әйел бейнесінде көрсетеді. Мұндай интерпретация Э. Сиксуға әйел мәтінінің басты мақсатын анықтауға мүмкіндік береді: әдебиеттегі әйел үнсіздігін үзу, ерлер интерпретациясының объектісі болудан бас тарту, өз баяндау типін жасау. Э. Сиксу шығармашылығында Африка бейнесі әйелдің метафоралық көрінісіне айналады — оның бойына құпиялық, түсініксіздік туралы миф таңылып, осының негізінде оны тануға тырысудан бас тартылған. Э. Сиксу ер жазушы әйел табиғатын шынайы бейнелеуге қауқарсыз деп есептейді, сондықтан оны «құпия», «тылсым» деген түсініктермен бүркемелеп, әйел туралы баяндауды қалыптасқан стереотиптермен шектейді. «Ақ сия» метафорасын Э. Сиксу әйелдер жазуының өзіндік ерекшеліктері бар екенін және ол дәстүрлі ерлер көркем тілі нормаларынан азат екенін көрсету үшін қолданады. Зерттеу нәтижелері әйелдер шығармаларын талдауда қолданылуы мүмкін.

Кілт сөздер: когнитивтік метафора, әйел жазуы, феминистік әдебиет, Элен Сиксу, «Медуза күлкісі», мифологиялық бейне.

А. Mustoyapova, M. Ostemir

Cognitive metaphors in Hélène Cixous’s essay “The Laugh of the Medusa”

The article deals with cognitive metaphors in Hélène Cixous’ essay “The Laugh of Medusa”, which is a key text in feminist literature. The aim of the study is to determine the role of cognitive metaphors (Medusa, “white ink”, Africa) in the formation of the concept of women’s writing. The material of the study is the text of H. Cixous’ essay. The research methods include cognitive analysis, semantic and interpretive approaches, text deconstruction. The authors of the article emphasize the concept of cognitive metaphor as a means of creating and deconstructing narratives. The relevance of the article lies in the fact that the problem of women’s writing remains at the center of modern literary discourse. A brief review of the scientific literature allows us to demonstrate the continued interest of researchers in the issues raised in the essay “The Laugh of Medusa”, as well as the relevance of the theory of cognitive metaphor as a research method. The results of the study showed that H. Cixous’ use of mythological and cultural images enhances the representation of female identity. The authors established the importance of metaphorical images of Medusa, “white ink” and Africa in revealing the concept of women’s writing. The scientific novelty lies in the complex consideration of the named metaphors, whose semantics are fully revealed in their interrelation. This approach distinguishes this study from others in which the subject of analysis is revealing the concept of women’s writing is mainly the image of Medusa. The use of metaphors allows H. Cixous to discuss the essence of a new type of narrative, which is in many ways different from traditional male writing. H. Cixous decenters the male gaze and destroys the culturally established interpretation of the image of Medusa as frightening and threatening. The

new optics show Medusa as a victim of male dominance, discriminated against, deprived of the right to vote. This interpretation allows H. Cixous to define the main goal of the female text, namely to break the silence of women in literature, to stop being an object of male interpretation, to create their own type of narration. Africa in H. Cixous' essay becomes a metaphorical image of a woman who was imposed with the myth of her mystery and incomprehensibility, and on this basis, attempts to understand her were abandoned. H. Cixous believes that a male writer is objectively incapable of depicting the nature of a woman and therefore justifies himself with words about the "secret" and "mystery" of a woman, limiting the narrative about her to common stereotypes. H. Cixous uses the metaphorical image of "white ink" to emphasize the fact that women's writing has its own differences and is free from the established standards of male artistic language. The results of the study can be applied to the analysis of women's texts.

Keywords: cognitive metaphor, women's writing, feminist literature, Hélène Cixous, "Medusa's Laugh", mythological image.

References

- 1 Cixous, H. (2017). The Laugh of the Medusa. Rivkin J., Ryan M. *Literary Theory: An Anthology*, 3, 940–954. John Wiley&Sons.
- 2 Al-Mahfedi, M.H. (2019). The Laugh of the Medusa and the Ticks of Postmodern Feminism: Helen Cixous and the Poetics of Desire. *International Journal of Language and Literary Studies*, 1(1), 54–63.
- 3 Smith, G. (2023). She Writes in White Ink: Dreams, Fantasy, and Sensation in Hélène Cixous' The Laugh of Medusa. *Retro-spect Journal: Edinburgh University's History, Classics and Archaeology Magazine*, 03/12. Retrieved from <https://retrospectjournal.com/2023/12/03/she-writes-in-white-ink-dreams-fantasy-and-sensation-in-helene-cixous-the-laugh-of-medusa/>
- 4 Priya, T. (2016). Hélène Cixous' Écriture Féminine: Theory of the Feminine Body. *Research Journal of English Language and Literature (RJELAL)*, 4(4), 280–283.
- 5 Chakraborty, D. (2013). Analyzing Ecriture Feminine in "The Laugh of the Medusa". *European Academic Research*, 1(9), 2895–2904.
- 6 Batular, F. (2019). A Feminist Stylistics Analysis of "The Laugh of the Medusa" by Hélène Cixous. *Folklor/Literature*, 25(97-1), 178–190.
- 7 Segarra, M. (2019). Derrida, Cixous, and Feminine Writing. *HAL*, 226–239. hal-03299582
- 8 Dyer, N.R. (2015). Ghostly red ink: Hélène Cixous' voice of milk and blood. *Writing the Ghost Train: Refereed conference papers of the 20th Annual AAWP Conference*.
- 9 Bostow, K.R. (2019). Loving Across Borders: The Queer, Transspecies Intimacies of Cixousian Sexual Difference. *Modern Language Notes*, 134(4), 806–825.
- 10 Gasbarrone, L. (1994). "The Locus for the Other": Cixous, Bakhtin, and Women's Writing. *A Dialogue of Voices: Feminist Literary Theory and Bakhtin*. University of Minnesota Press. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/10.5749/j.cttsn34.4>
- 11 Lakoff, Dzh. & Dzhonson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]*. Moscow: Editorial URSS [in Russian].
- 12 MakKormak, E. (1990). Kognitivnaia teoriia metafori [A Cognitive Theory of Metaphor]. *Teoriia metafori: Sbornik [Metaphor theory: Collection]*. Moscow: Progress, 358–386 [in Russian].
- 13 Kiklevich, A. (2004). Kontseptualnaia metafora: universalnost ili idiosinkraticnost'? [The conceptual metaphor: universality or idiosyncrasy?]. *Acta Polono-Ruthenica*, IX, 249–261 [in Russian].
- 14 Kassirer, E. (1990). Sila metafori [The power of metaphor]. *Teoriia metafori: Sbornik — Metaphor theory: Collection*. Moscow: Progress, 33–43 [in Russian].
- 15 Ovidij, P.N. (2023). *Metamorfozy [Metamorphoses]*. Moscow: Azbuka [in Russian].
- 16 Zerba, M. (2024). *Medusa, Monstrous Beauty, and Neuroaesthetics*. Retrieved from <https://www.academia.edu/103728423/>
- 17 Freud, S. (1997). Medusa's Head. *Writings on Art and Literature*, 264–265. Stanford: Stanford University Press.
- 18 Duffy, W.S. (2020). Medusa as Victim and Tool of Male Aggression. *Verbum Incarnatum: An Academic Journal of Social Justice*, 7, 1. Retrieved from <https://athenaeum.uw.edu/verbumincarnatum/vol7/iss1/1>
- 19 Bowers, R.S. (1990). Medusa and the Female. *NWSA Journal*, 2(2), 217–235 Published by: The Johns Hopkins University Press. Retrieved from <https://www.jstor.org/stable/4316018>
- 20 Pertiwi, D.K. Medusa, the Victimized Monster. Retrieved from <https://www.academia.edu/33416257/>
- 21 Khalifa-Gueta, Sh. (2021). Medusa Must Die! The Virgin and the Defiled in Greco-Roman Medusa and Andromeda Myths. *Athens Journal of Mediterranean Studies*, 7(3), 201–232. Retrieved from <https://www.academia.edu/79483842/>
- 22 Fauconnier, G., & Turner, M. (2002). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. A Member of the Perseus Books Group, 440.
- 23 Dexter, M.R. (2010). The Ferocious and the Erotic "Beautiful" Medusa and the Neolithic Bird and Snake. *Journal of Feminist Studies in Religion*, 26, 1, 25–41.
- 24 Kövecses, Z. (2010). Metaphor and Culture. *Philologica*, 2, 2, 197–220.

25 Frejd, Z. (2021). K voprosu o diletantskom analize [On the issue of amateur analysis]. Frejd, Z. *Sobranie sochinenii v 26 tomakh. Oчерk psikhoanaliza — Collected works in 26 volumes. An essay on psychoanalysis*, 22. Saint Petersburg: Vostochno-Evropeiskii Institut Psikhoanaliza [in Russian].

Information about the authors

Mustoyapova Ainash — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan; e-mail: mustoyapova2017@gmail.com

Ostemir Manshuk — Teacher at secondary school No. 24, Temirtau, Kazakhstan; e-mail: mustemir9@gmail.com